

АНГЛИКАНЕ И ИНОЗЕМЦЫ ДРУГИХ КОНФЕССИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА ПО МЕТРИКАМ АНГЛИКАНСКОГО ПРИХОДА

А. Н. Андреев,

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Методами дескриптивной статистики в статье изучена база данных петербургских иностранцев, составленная на основе метрических записей англиканской церкви Санкт-Петербурга за 1723—1750 гг. Уточнены национальная и социальная структуры петербургской британской колонии в первой половине XVIII столетия, выявлены некоторые демографические показатели (детская смертность, параметры родства, процент незаконнорожденных детей), определены формы социальной мобильности. В статье в значительной степени детализируются представления о социальном и профессиональном составе петербургских британцев, воссоздается их коллективный портрет. Вводятся в научный оборот новые имена британских предпринимателей и служащих. Автор приходит к выводу, что британцы города на Неве в первой половине XVIII в. были представлены деловыми людьми, работавшими капиталом и специальными знаниями, чья профессиональная деятельность олицетворяла успехи Великобритании в различных сферах жизни общества (экономике, технологиях, кораблестроении, военно-морском деле).

Ключевые слова: базы данных населения, историческая демография, иностранцы Санкт-Петербурга, метрические книги, англикане, англичане, британцы, персональный состав инославных приходов, национальный состав, социофессиональный состав населения, XVIII столетие.

История англиканской общины и британского землячества в Санкт-Петербурге XVIII столетия привлекает внимание исследователей по разным причинам. Во-первых, она позволяет лучше понять стандарты и ориентиры российской европеизации при Петре Великом и его преемниках, учитывая тот факт, что британцы являлись носителями передовых экономических идей и технологий. Во-вторых, тема британского присутствия в столице Российской империи расширяет границы наших представлений о месте инославных конфессий в поле русской культуры. Историографию темы, однако, нельзя признать обширной — наиболее значимыми трудами остаются монографии Э. Кросса и А. Э. Алакшина, специально сосредоточившихся на вопросах социального состава и параметров жизнедеятельности петербургской «английской церкви» [1, с. 160—171; 14, с. 104—134]. Из последних работ следует выделить книгу Т. Л. Лабутиной, попытавшейся оценить английское влияние на петровские реформы и проследившей судьбы отдельных британцев в России [16]. К работам упомянутых авторов примыкают публикации по истории британского купечества, составлявшего ядро петербургской англиканской общины, в которых оценивается вклад иноземцев в российскую экономику [8; 11, с. 100—114; 12, с. 13—29; 13, с. 694—699]. При этом следует подчеркнуть, что в литературе проблема социального облика британского землячества в Санкт-Петербурге (т. е. конфессиональной и социальной принадлежности британцев, круга их профессий, гендерных аспектов их существования) либо не ставится вообще, либо признается неразрешимой в силу налагаемых источниками ограничений.

Тем не менее методологические достижения современной нам исторической науки позволяют если не решить данную проблему окончательно, то по крайней мере значительно продвинуться в ее решении. Главным источником сведений, необходимых для реконструкции англиканского прихода и выявления его взаимосвязей с другими группами населения Санкт-Петербурга, являются метрические записи. Регистрация крещений, бракосочетаний и смертей у российских англикан началась в 1706 г. в Москве, где из членов Английской торговой компании сложилось первое объединение людей «аглицкой веры». С 1723 г., после перевода компании на невские берега, регистрационные журналы стали отражать состояние уже петербургского англиканского прихода [25, л. 20—132 об.¹]. Регистрационные записи англикан неоднократно подвергались изучению (были проанализированы, в частности, Э. Кроссом и А. Э. Алакшиным), однако еще ни разу не исследовались путем формирования на их основе базы данных. Создание такой базы данных за первую половину XVIII в. и исследование ее статистическими и иными методами, результаты которого приводятся в данной статье, позволило восстановить социальный облик членов англиканского прихода в Санкт-Петербурге со всей возможной полнотой².

¹ Копия регистрационной книги мне была предоставлена крупнейшим исследователем петербургских протестантских общин А. Э. Алакшиным, за что выражаю ему глубокую благодарность. Записи проверены по архивному источнику.

² База данных опубликована на сайте Южно-Уральского государственного университета, на странице кафедры «Теология, культура и искусство» во вкладках к раз-

Выходцы из Британии селились в Санкт-Петербурге уже в первые годы его существования. Это были английские корабли, о которых упоминается в марте 1707 г. [29, с. 25]. В 1710-х годах британцев на берегах Невы насчитывалось не менее двадцати человек, среди которых — придворный врач-шотландец Роберт Эрскин (Арескин), обосновавшийся в городе в 1712 г. [14, с. 138], легендарный английский кораблестроитель Джозеф (Осип) Най, трудившийся на петербургской верфи с 1714 г., а также его коллеги, работавшие над постройкой барж в начале 1718 г. [30, с. 142], «галантерейные мастера» Джим Уитлок (Витлок) и Абрахам Дей, принятые на службу в 1716 г. [23, л. 20 об., 26 об.].

Складывание петербургской англиканской общины, однако, следует отнести к началу 1720-х годов, когда, по воле Петра I, в новую столицу были переведены британские коммерсанты из Москвы и Архангельска со всеми активами. Считается, что община состояла, главным образом, из членов английской фактории («Русской торговой компании»), а потому отождествляется с торгово-промышленной прослойкой иноземного населения [1, с. 164]. Массовое переселение английских купцов в «северную Пальмиру» состоялось летом 1723 г. — с этого времени у петербургских и кронштадтских англикан производится регистрация церковных обрядов. Впрочем, процесс переезда британцев в новую столицу начался гораздо ранее — уже в 1713 г., по причине царского указа о запрете продажи некоторых товаров через порт Архангельска [22, с. 66], и особенно в 1718 г., когда Петр I приказал купцам английской фактории переводить свои фирмы и конторы в Санкт-Петербург [1, с. 164]. «Кирха англинской веры» поначалу размещалась в доме графа А. А. Матвеева за Мойкой близ Синего моста — она отмечена в материалах Иностранной коллегии за 1721 г. (этот год можно считать условной датой рождения общины) [24, л. 69]. В кирке служил штатный пастор фактории Томас Консетт (в русских источниках — Томас Андреев), постоянно проживавший в Санкт-Петербурге с июня 1723 г., а до того бывавший в городе наездами (по меньшей мере дважды — в 1719 и 1721 гг.). Т. Консетт окормлял прихожан до 1727 г., после чего в церковной жизни англикан возник десятилетний перерыв. Богослужения возобновились только в 1737 г., когда английская фактория пригласила в общину пастора Филиппа Лернульта [32, с. 182]. Еще в 1723 г. прихожане английской конгрегации приобрели дом на Галерной набережной, превратив его в кирку. Сохранилось ее подробное описание с указанием на богатый скульптурный декор [32, с. 183]. Этим церковным помещением пользовались до марта 1754 г., когда англикане открыли новую кирку в бывшем доме графа Б.Н. Шереметева на Галерной набережной (нынешний адрес: Английская набережная, 56) [1, с. 166—167].

Сведения о членах англиканского прихода в Санкт-Петербурге не отличаются полнотой: в регистрационных журналах данные о них фиксируются

с 1723 г., с момента появления у британцев кирки, но при этом в метриках годы с 1728 по 1737 включительно, а также годы 1743 и 1744 являются лакунарными по причине временного отсутствия пастора. За 1723, 1727, 1742, 1745, 1746 и 1747 годы имеются неполные сведения о совершенных обрядах (есть данные либо за первую, либо за вторую половину года)¹. Отсутствие непрерывного массива данных о родителях, крещенных младенцах и умерших за длительный период не позволяет задействовать в ходе изучения социально-демографических характеристик прихода некоторые статистические методы (например, динамический метод). Однако метрические журналы англиканской церкви предоставляют сведения достаточной выборки для использования методов выборочной и дескриптивной статистики.

Сформированная по материалам метрических записей англиканских пасторов за 1723—1750 гг. база данных учитывает в системе родственных отношений 307 петербургских иностранцев, включая крещенных в приходе детей [2]. База данных вообрала в себя сведения о 249 взрослых людях обоего пола (159 мужчинах и 90 женщинах), подавляющее большинство которых состояло в «английской конгрегации». Из персонально учтенных иностранцев к членам прихода можно отнести 242 человека, а именно 150 «англикан» и 33 «англиканки», шесть кальвинистов и четырех кальвинисток, а также еще 49 женщин, чье вероисповедание неизвестно, но которые, будучи супругами британских выходцев, отмечены в записях англиканской церкви и не прослеживаются по метрикам других инославных общин. Ясно, что не все члены «английской конгрегации» придерживались именно англиканской традиции: издавна в британских землячествах в рамках одной религиозной общины уживались не только англикане, но и пресвитериане, пуритане, методисты и представители иных конфессий [1, с. 165]. Поэтому слово «англиканин» в данном случае целесообразно брать в кавычки. Кроме «англикан» и явных кальвинистов, входивших в приход, база данных включает сведения об одном католике (им был адмирал Томас Гордон) и шести персонах с невыясненной религиозной принадлежностью, которые, судя по их национальности, скорее всего, не входили в английскую общину (немки Адельганда Минау и Элеонора Хенекер, некто Модзолофоки и др.).

Использование авторской методики «анализа временных интервалов», ранее апробированной в ходе изучения римско-католического населения Санкт-Петербурга, дало возможность установить персональный состав англиканского прихода

¹ Связано это опять же с перерывами в жизнедеятельности общины из-за отсутствия пасторов. Метрические записи в это время не велись, а обряды совершались в реформатских общинах города. Т. Консетт прибыл в Петербург 23 июня 1723 г. и отбыл на родину в июне 1727 г. Следующий пастор Филипп Лернульт был нанят в конце 1737 г. и продолжал приходскую работу до августа 1742 г. Его преемник Джон Форстер возглавил общину только летом 1745 г. и продолжил метрические записи до времени своего увольнения весной 1746 г. Нанятый в 1747 г. Даниель Дюмареск стал вести регистрационный журнал только с осени [25, л. 20—27].

делу «Научная деятельность». URL: <https://culture.susu.ru/nauchnaya-deyatelnost> [2].

по годам [3, с. 10]. В соответствии с методикой учитывались временные рамки присутствия тех или иных лиц в общине, исходя из даты наиболее раннего и наиболее позднего их упоминания в источниках. Численные показатели персонально учтенных в базе данных взрослых прихожан за отдельные годы представлены на рис. 1. Ожидаемо низким при этом оказался процент выявленных персоналий в 1728—1737 и 1743—1744 годах по причине отсутствия метрических записей за это время.

База данных не учитывает многих выходцев из Великобритании, которые, в силу разных причин, не были отражены в регистрационных журналах, но, возможно, являлись прихожанами англиканской кирки. Источники личного происхождения и делопроизводственные материалы содержат упоминания о десятках англичан и шотландцев Санкт-Петербурга первой половины столетия, в базе данных не представленных. Назовем лишь некоторых — директора Морской академии Брэдлея (Брэдли) [17, с. 257], гренадера-офицера Томаса Гревса [17, с. 196], врачей Джона Белла и Джона Кука [15, с. 386, 430], купцов Томаса Варда, Уильяма Вейгора, Вейваса Парсонаса, фабриканта Джона Мея и др. [9, с. 311—312]. Репрезентационная полнота БД может быть определена исходя численности англиканского прихода, однако по этому вопросу в литературе высказываются разные мнения.

Согласно А. Э. Алакшину, после переезда английской фактории в Петербург число взрослых «англикан» в городе должно было превышать сотню человек [1, с. 167]. В начале 1780-х годов англиканская община состояла уже почти из пятисот верующих¹. Сравнение средних показателей числа крещений и бракосочетаний за разные десятилетия XVIII в. показывает увеличение количества обрядов в 1780-е годы по сравнению тридцатыми и сороковыми годами в 4—5 раз [1, с. 170]. На этом основании можно предположить, что в тридцатые и сороковые годы англиканский приход Санкт-Петербурга объединял примерно 100—120 человек. В таком случае вводимая в научный оборот база данных «английской конгрегации» [2] отражает около одной трети всех верующих во второй четверти XVIII столетия. По другим сведениям, к концу правления Петра Великого число британских подданных на невских берегах не превышало двухсот. Формулировка «менее 200 человек» [13, с. 695] слишком расплывчата, к тому же доказано, что среди британцев были и католики. Однако даже если исходить из того, что приход включал в себя 200 взрослых членов, база данных отражает примерно треть его персонального состава в 1725 г. (см. рис. 1).

Англиканская община не была мононациональной. При безусловном преобладании среди взрослых верующих англичан (в БД англичане и англичанки составляют не менее 64 % всех членов конгрегации), в общине состояли шотландцы (не менее 4,1 %), а также в малых долях были представлены немцы, французы и голландцы, исповедовавшие рефор-

¹ Перепись прихожан, произведенная в 1782—1783 гг. пастором У. Туком, зафиксировала 498 человек, 422 из которых были петербуржцами, а остальные 76 проживали в Кронштадте [1, с. 168].

матскую веру (не менее 5,9 % в совокупности). К шотландцам отнесены: флотский офицер Александр Гордон, некий «джентльмен» Манипенни, профессор математики Генри Фаргварсон, советник Коммерц-коллегии Джейкоб Хьюит (Яков Гювйт) и др. Немцы англиканского прихода представлены тремя поколениями купеческой семьи Келлерманов (Келдерманов) — выходцев из Ливонии реформатского исповедания, а именно Томасом (Фомой) Келлерманом, его сыном Иоганном (Иваном Томасовичем) и внуком Томасом. Келлерманы во второй четверти XVIII в. породнились с англичанами и, возможно, являлись торговыми партнерами британских купцов (в состав английского купечества традиционно входили немцы и голландцы [12, с. 16]). Голландские купцы англиканской общины представлены Гарландом и Абрахамом Лимбургом. Дочь одного из голландских купцов Бодиско (либо «Андрея Андреева», либо «Андрея Петрова»), Екатерина Бодиско, в 1748 г. вышла замуж за английского купца Джеймса Гарднера [25, л. 27].

«Французская составляющая» англиканской общины представлена семейством гугенота Анри де Лави, ученого-лингвиста, преподававшего французский язык в Артиллерийском и Инженерном училищах, а также в академической гимназии [7, с. 18—19]. Он дважды вступал в брак — и оба раза с соотечественницами, по-видимому, кальвинистской веры. Его первая супруга, Мария Антуанетта, родившая ему дочь Франсуазу, скончалась в 1742 г. (похоронена пастором «английской конгрегации»). В том же году, не выдержав положенного траура, Лави женился на Мари Делуз.

Присутствие в англиканской общине голландцев, немцев и французов «кальвинской веры» объясняется не только их родственными и деловыми отношениями с британцами, но и кризисными явлениями в национальных реформатских кирках города. Так, в 1736 г. церковные здания голландской общины сгорели, и голландцы-реформаты были вынуждены посещать богослужения в других протестантских храмах. В конце 1740-х годов в голландской кирке разгорелся конфликт между церковным советом и пасторами, в результате чего голландская община на 20 лет прекратила свою деятельность. Периодически вспыхивали разногласия между немцами и французами в объединенной французско-немецкой реформатской общине [1, с. 143, 146, 154]. Все это, надо думать, в отдельных случаях заставляло верующих искать возможность удовлетворения духовных нужд в других приходах.

Весьма интересны результаты анализа базы данных на предмет социальных и профессиональных характеристик англикан и других членов прихода. Социальный и профессиональный статус был выяснен у 79 взрослых мужчин из 156, представленных в БД (т. е. у половины персонально учтенных прихожан). Социальный состав петербургского англиканского прихода в 1723—1750 гг., реконструированный на основе полученных сведений, представлен на рис. 2. Как и предполагалось, самой многочисленной группой прихожан являлись купцы и предприниматели (не менее 26,9 %), однако немалой была доля ремесленников и гражданских специалистов (не менее

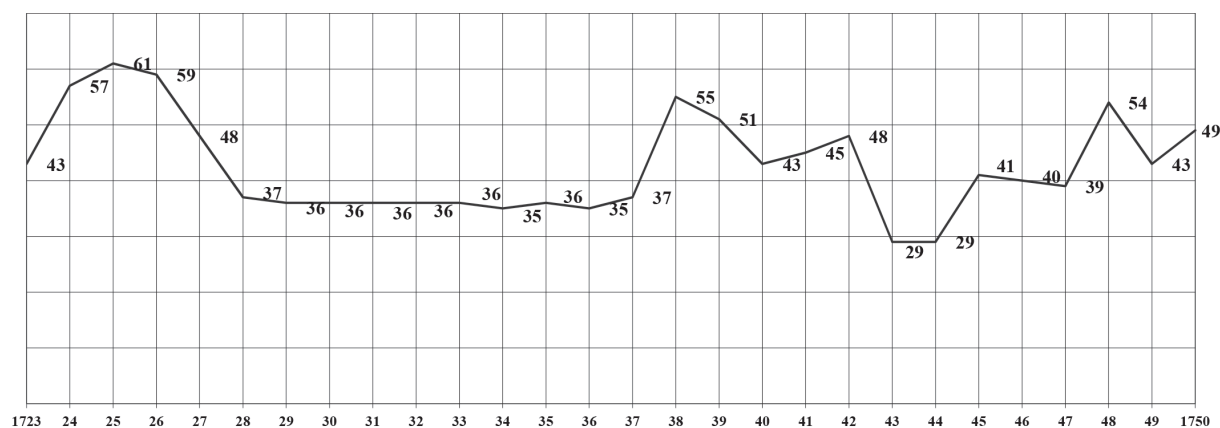

Рис. 1. Численность персонально учтенных взрослых прихожан англиканской церкви в Санкт-Петербурге по метрическим записям 1723–1750 гг.

12,8 %), а также военнослужащих, представленных офицерами армии и флота (не менее 9,6 %). Таким образом, *англиканский приход в Санкт-Петербурге не являлся объединением только членов фактории, но был центром религиозной жизни протестантов из Великобритании вообще.*

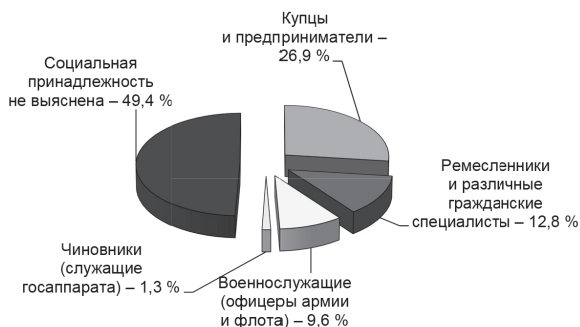

Рис. 2. Социальный состав англиканского прихода в 1723—1750 гг. по метрическим записям (лица мужского пола)

Регистрационная книга англикан содержит уникальную, еще не введенную в научный оборот информацию о британских предпринимателях. Источник расширяет представления о составе торгово-промышленных кланов, позволяет судить о родственных связях уже известных историкам британских купцов — таких, как Френсис и Джейкоб Гарднеры из Сомерсетшира, Эдвард Фауэлл (Фоуль), Хьюго Аткинс (Ги Аткенс), Самюэль Мюкс, Уильям Дюкар, Томас Трусскот (Трескот) и др.¹ [25, л. 23—23 об., 24—24 об., 27, 28 об.—29 об., 31—33 об., 35—35 об., 39, 47]. Методом ВИС («восстановления истории семей») на основе метрических записей с успехом реконструируются династии предпринимателей и выявляются брачные союзы между представителями видных коммерческих домов, которые могли означать ведение общего бизнеса в России. В родственных отношениях, например, состояли купеческие фамилии Эванс и Боэм (Бем), Крамп и Хьюит (Гювит), Прескотт и Эдвардс. В 1741 г. Климент Боэм (Клементий Бем), активно торговавший в «Московии» еще с петровских времен, вступил в

¹ Об их торгово-промышленной деятельности см.: [9, с. 311—312, 319; 11, с. 101—105].

брак с Мэри Эванс, дочерью Хилла (Гиля) Эванса, владельца одной из первых канатных фабрик в России [25, л. 24]. В 1745 г. купец Дэниэл Прескотт породнился с семьей известного предпринимателя, помощника гоф-маклера Джона Эвардса (Ивана Эдварца), взяв за себя его дочь Элизабет [25, л. 21 об., 25]. В 1749 г. крупный коммерсант Роберт Крамп женился на Корнелии Хьюит, дочери Джейкоба Хьюита (Якова Гювита) из Эдинбурга, торговавшего в России вместе с братом Юрием с самого начала XVIII столетия² [25, л. 28 — 28 об.].

Источник называет имена малоизвестных среди специалистов (или же вовсе неизвестных историкам) британских купцов, живших в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в., — это Александр и Томас Арбутнот (Arbuthnot), Джеймс Гарднер (брат упомянутых Френсиса и Джейкоба Гарднеров), Мегсон (Megson), Уильям Мейстерс (Maisters), Джон Мехью (Mahew), Дэниэл Прескотт (Prescott), Томас Райт (Wright) и Роберт Шард (Shard) [25, л. 21 об., 26, 27, 28, 31 об., 34 об., 35 об., 37, 40]. Введение в оборот этих фамилий, возможно, станет стимулом для дальнейших разысканий в области истории иностранного предпринимательства в России, а также истории ее экономического развития.

Второй по численности группой среди лиц с выявленным социальным статусом и профессией являлись ремесленники и гражданские специалисты. В первую очередь, это корабельных дел мастера (ship-builders) Ричард Броун, Френсис Китчин (Kitchin), Ричард Козенс (Козенц), Ричард Рамси (Юрий Рамз), Александер Сазерленд (Sutherland), а также представители иных специальностей, связанных с корабельным делом, — пильщик досок «на службе его величества» Генри Уолтерс (Walters), флотский малярный мастер и «художник» Кристофер Уэллс (Веллс, Велес). Кроме них упоминаются портные Тобиас Шульц (Schultz) и Джон Эванс (Evans), столяр-краснодеревщик (cabinet maker) Джон Лаут (Lowth), мастер по изготовлению математических инструментов Бенджамин Скотт. Возможно, семей ремесленников были Боттомы. Основателем фамилии стал некий Джозеф Боттом; его внук, тоже Джозеф (Осип Иванович), родившийся в 1720 г. в семье

² О коммерсантах по фамилии Крамп и Гювит см.: [10, с. 54; 11, с. 115].

Джона Боттома, стал ювелиром, специалистом по огранке драгоценных камней, и уже при Екатерине II занял место главного мастера Петергофской гранильной фабрики [28, с. 8]. Другая линия Боттомов вела происхождение от Джозефа Боттома Младшего, который, скорее всего, был братом Джона Боттома и, соответственно, сыном основателя династии. Метрики отражают историю этой семьи на протяжении нескольких поколений: неоднократно тот или иной Джозеф Боттом Младший становился Джозефом Старшим и называл, в свою очередь, родовым именем своего сына.

Военнослужащие в общине представлены мичманом (затем лейтенантом) Александром Гордоном, флотским подпоручиком (дослужившимся до вице-адмирала) Джеймсом Кеннеди, артиллеристом Джоном Лаутером (Lowther), флотскими капитанами Робертом Литтлом (Little) и Эдвардом Хейзом (Hays), контр-адмиралом Джорджем Паддоном и его сыном капитан-командором Георгием Георгиевичем, вице-адмиралом Томасом Сандерсом, полковником Джорджем Мейером (Meuer), лейтенантом Ричардом Энгелем (Angel) и др. К этой социальной категории отнесены военные врачи — штаб-лекарь Джон Блинман (Блийман) и Генри Смит, хирурги Джон Гудзон (Гудзон), Уильям Митчелл и Джеймс Селкрик.

Очень малый процент от членов общины составляли государственные служащие (чиновники). Обращает на себя внимание тот факт, что британские купцы в качестве опытных коммерсантов привлекались к работе Коммерц-коллегии. С 1731 г. советником в Коммерц-коллегии состоял крупнейший бизнесмен петровской эпохи, знаток европейского делового мира Сэмюэль Гартсайд (Самойло Гарцын). Он одним из первых стал использовать порт Санкт-Петербурга для вывоза за границу экспортных товаров — смолы, дегтя, пеньки. Используя различные уловки, Гартсайд закупал в Англии для Петра I военные корабли [26, с. 134—136]. Разорившись, Гартсайд начал службу в административном аппарате империи: сначала был бурмистром в Главном магистрате, затем ассессором и советником Коммерц-коллегии. В целом, административная карьера Гартсайда была неудачной — его проекты по созданию разных мануфактурных предприятий и целых промышленных отраслей в России не получили одобрения, а сам он был признан «неискусным в делах и советах» и уволен с назначением пенсии в размере 300 руб. в год [26, с. 140]. Еще раньше (по меньшей мере, с 1720 г.) должность советника в Коммерц-коллегии занимал упоминавшийся купец из Эдинбурга Джейкоб Хьюит (Яков Гювит) [21, с. 1753]. Кроме Гартсайда и Хьюита, метрические записи содержат информацию о бухгалтере Чарльзе Гордоне, служившем в Адмиралтейств-коллегии, по меньшей мере, в 1741—1743 гг. [18, с. 121, 233, 414], и копиисте при великом князе Петре Федоровиче Жан-Жаке Цайсе (Зайсе, Zies) [25, л. 28].

С достаточной полнотой метрические журналы раскрывают такое явление, как социальная мобильность среди выходцев из Великобритании. Нередко богатые купцы и предприниматели разорялись, и их дети были вынуждены искать себе иной род занятий.

Например, Томас Келлерман, сын обанкротившегося в 1721 г. «московского торгового иноземца» Ивана Томасовича Келлермана, был вынужден поступить управляющим на сахарный завод [19, с. 54]. Томас Букер, сын купца Джона Букера (Ивана Букара) стал майором русской службы. Уильям Элмсейл (Элмзалл), владевший стеклодувным предприятием на Фонтанке, разорился в 1738 г. и поступил управляющим в дом вице-адмирала М. Х. Змаевича [10, с. 54; 11, с. 101]. Однако были и примеры вертикальной мобильности, демонстрирующие характер социальных лифтов у британцев: сын кораблестроителя Ричарда Козенса, тоже Ричард, 1726 года рождения, в елизаветинскую эпоху стал видным купцом и промышленником, основателем одной из первых в России ситцевых мануфактур. Он женился на Маргарите Бозанке (Бузанкет), дочери французского купца-гугенота Жана Бузанкета¹ [25, л. 34]. Его сестры вышли замуж за богатых коммерсантов: Сара Козенс — за Джона Кейли, в 1787—1795 гг. бывшего британским консулом в Санкт-Петербурге; а Мэри — за владельца петербургского сахарного завода Николая Канаваха [12, с. 17]. Схожим образом изменилось социальное положение членов семьи корабельного мастера Александра Сазерленда (Сутерланда) — его сыновья Джон (1742 г. р.) и Ричард (1739 г. р.) стали крупными предпринимателями. Ричард Сазерленд с 1778 г. был придворным банкиром и статским советником, получил баронский титул Российской империи. Жизнь его трагически оборвалась — он обанкротился и покончил самоубийством 4 октября 1791 г. [11, с. 107]. Любопытно, что в записи о погребении этот факт не отмечен и, надо полагать, родственникам самоубийцы не было отказано в его похоронах на обычном кладбище.

Некоторые социально-демографические характеристики англиканской общины следуют из анализа динамики проведенных в ней церковных обрядов (рис. 3). Обращает на себя внимание значительное превышение числа погребений по сравнению с крещениями новорожденных. Это может означать, с одной стороны, что во второй четверти XVIII в. в общине преобладали люди пожилого возраста; с другой стороны, показатели могли быть обусловлены большой детской смертностью. В любом случае, заключавшиеся в общине браки не обеспечивали естественное воспроизводство британской колонии, которая сохранялась и даже расширялась, вероятно, за счет новых иммигрантов. Превышение числа крещений над количеством погребений в общине наблюдается только во второй половине XVIII в. (особенно в конце столетия), с пропорциональным увеличением числа браков [1, с. 171].

В период 1723—1750 гг. в англиканской церкви Санкт-Петербурга было зарегистрировано рождение 61 ребенка (33 девочек и 28 мальчиков). Из них 13 детей умерли в возрасте до года, еще трое умерли в возрасте до пяти лет. Следовательно, показатель младенческой смертности в общине за эти годы составляет 21,3 %, детской смертности —

¹ О Ж. Бозанке (Бузанкете) см.: [12, с. 23].

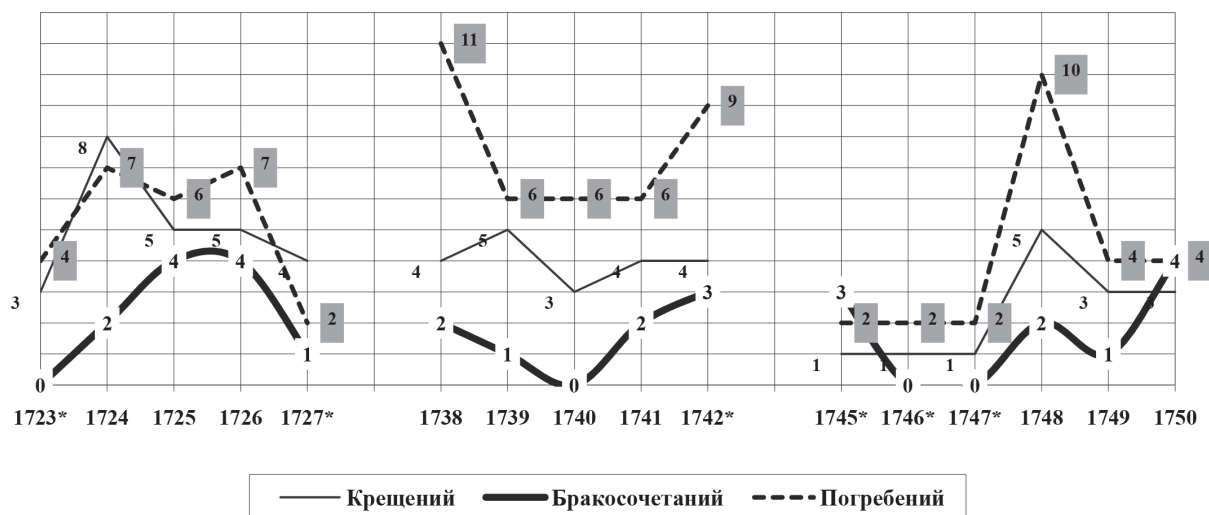

Рис. 3. Динамика крещений, бракосочетаний и погребений, совершенных в англиканской общине Санкт-Петербурга в 1723—1750 гг.¹

24,6 %. Впрочем, за малой выборкой эти цифры не могут быть признаны статистически верными. Процент незаконнорожденных детей (прижитых вне зарегистрированного пастором брака) был очень низким — 4,9, что свидетельствует о непопулярности среди англикан внебрачных связей². В метрических журналах первой половины XVIII в. зафиксированы всего два случая незаконного сожительства — некоего Питера Стюарда с Маргарет Тиннз (в этом союзе родились дочери Элизабет и Мэри — соответственно, в 1724 и 1726 г.) и Джозефа Боттома (младшего) с Анной Елизаветой Шлетцер, упоминаемой в 1760 г.

Коллективный социальный портрет уроженцев Великобритании в Санкт-Петербурге первой половины XVIII столетия характеризуется особенными чертами. Как правило, британцы были представлены деловыми людьми, работавшими капиталом и специальными знаниями, чья профессиональная деятельность олицетворяла успехи их родины в различных сферах жизни общества и государства (экономике, технологиях, кораблестроении, военноморском деле). Это были люди семейные, преимущественно родившиеся с членами своей общины и гораздо реже вступавшие в брак с представительницами других западноевропейских диаспор Санкт-Петербурга. Браки «англикан» с православными русскими женщинами в первой половине столетия вообще не были зафиксированы — подобные прецеденты возникают лишь в конце 1750-х годов. Социальная замкнутость британской колонии косвенным образом подтверждается фактом формирования из ее членов шутовской «Бенго-коллегии» при Петре I. «Бенго-коллегия, или Великобританский монастырь» была создана по аналогии с известным Всепеньейшим и всешутейшим собором для совместного служения Бахусу и массовых гуляний, главным образом, из английских купцов и промыш-

ленников [20, с. 527—546]. Тот факт, что для англичан потребовалось создать особую «всешутейшую» организацию, свидетельствует, с одной стороны, о замкнутом характере их социального объединения (безусловно, англичане и шотландцы, соблюдая свои корпоративные интересы, стремились не отстать от тесного круга собутыльников царя), а с другой стороны, — о вероятном желании Петра I выразить иронию по поводу культуртрегерской миссии чопорных британцев, показывая их простыми пьяными бюргерами и буффонами³.

Существует точка зрения, будто англичане, особенно английские купцы, имели большое влияние в Санкт-Петербурге при Петре I — в подтверждение тому приводится именно их участие в мероприятиях «Бенго-коллегии», выражавшее близость «бахусоподражательных» британцев к царю [10, с. 30]. Думается, однако, что прав был С.Ф. Платонов, введший в оборот «Объявление о Великобританском монастыре» и другие связанные с ним документы, и полагавший, что англичане рядом неблагоприятных обстоятельств были принуждены заниматься подобным «вздором»: «...нельзя было работать с правительством, не участвуя в официальных маскарадах и попойках» [20, с. 544]. Коллективный социальный портрет британцев, созданный путем анализа метрических записей, являет нам людей с деловой хваткой, которые должны были твердо стоять на ногах, быть рачительными хозяевами и опытными дельцами. Однако нарративные источники вносят в этот портрет дополнительные штрихи и дают понять, что англичане не всегда чувствовали себя социально защищенными. В челобитной британских купцов 1726 г., подписанной Хиллом Эвансом, Генри Ходжкиным, Уильямом Элмсейлом и др. членами прихода, содержатся жалобы на отсутствие выгодных условий для торговли, ненадлежащее качество предоставляемых услуг по хранению товаров,

¹ Знаком «*» отмечены годы, за которые имеются неполные данные — либо за первую половину года, либо за вторую.

² У петербургских католиков этот процент составлял 8,5 [3, с. 7].

³ Иронию подметил еще С. Ф. Платонов, указавший, что во всей затее с «Бенго-коллекгией» «чувствуется элемент насмешки в отношении ученой братии», «глумление над ученостью и учеными» [20, с. 545].

подчеркивается неспособность купцов решать правовые и иные вопросы из-за незнания русского языка [27, с. 15—17]. Можно было бы счесть эти жалобы уловками коммерсантов, желавших добиться больших выгод, однако случаи реального банкротства английских предпринимателей подтверждают их неспособность выдерживать конкуренцию. Возможно, неустойчивое социально-экономическое положение британских купцов Санкт-Петербурга заставляло их усерднее других соблюдать «Бахусовы законы».

Вместе с тем в образовании «Бенго-коллегии», по-видимому, были повинны конкретные представители британской общины, славившиеся своей невоздержанностью в употреблении горячительных напитков. Выходцы из Британии неоднократно были замечены среди пьющих, либо среди жертв царских возлияний, почему и получили титул «бахусоподражательных». В 1724 г. Ричард Козенс, которого Петр I очень любил и с которым обходился без церемоний, построил очередной корабль, и после спуска судна на воду на его борту «страшно пили» [4, с. 240]. 1 февраля 1721 г. после многодневного карнавала, проходившего под председательством «Всешутейшего патриарха» Н. М. Зотова, от отравления алкоголем скончался Томас (Фома) Келлерман, глава известной торгово-промышленной фамилии¹. Он состоял «игуменом и духовником» Великобританского монастыря, а его сын Иван Томасович был самим «митрополитом» [20, с. 528]. Шотландец на русской службе Питер Генри Брюс, ставший свидетелем смерти старшего Келлермана, так описал события: купец, после царской аудиенции с поглощением содержимого большого кубка («двойного орла»), придя домой, «...пожаловался, что ему плохо от выпитого; он сел, положив голову на стол и, казалось, заснул. Поскольку *подобное случалось с ним постоянно* (выделено мною — А. А.), жена и дочери не обратили на это внимания, пока спустя некоторое время не заметили, что он мертв и окоченел. Это привело все семейство в огромное смятение» [6, с. 182]. Ранее упоминавшийся Сэмюель Гартсайд (Самойло Гарцыйн), «архиепискуп и чюдотворец» «Бенго-коллегии», был уволен в 1737 г. из Коммерц-коллегии за многие провинности, в том числе «за невоздержанием» [26, с. 140].

Прихожане англиканской церкви, в первую очередь должностные лица «Бенго-коллегии», были задействованы в «компании маскарада в С.-Петербурге 1723 году». Следует отметить, что английские коммерсанты предстали в роли «французских мужиков», в то время как многие знатные и влиятельные участники маскарада были одеты в костюмы «кавалерские», «аббатские» и «венецианские нобельские» [4, с. 184]. Не было ли это также проявлением саркастического отношения императора к британским торговцам? Например, весьма уважаемые Петром корабельные мастера Р. Козенс, Дж. Най, Р. Броун и Р. Рамси явились на маскарад в шкиперском (то есть капитанском) обличье, которое не могло оскорбить даже самого царя [4, с. 193].

¹ Ю. Н. Беспятых ошибочно отнес эти события к 1715 г. [5, с. 190].

Сведения из метрических журналов англиканской церкви Санкт-Петербурга позволяют идентифицировать многих участников «великобританского сумасброднейшего собора в Бахусовом законе», о которых С. Ф. Платонов не смог собрать никаких сведений. Так, «инспектор и надзиратель» «Бенго-коллегии» Давид Соломон — это купец Дэвид Сэлмон (David Salmon), уроженец Лондона, женатый на петербурженке Дороти Бирст [25, л. 20; 31, л. 18 об.]; «советник и губернатор сераглио» Осип Декинс — не кто иной, как коммерсант Джозеф Дайкинс (Joseph Daikins), скончавшийся в Петербурге 1726 г. [25, л. 21]; «профессор и доктор юрис севелис шевалер Стерлин» — купец Генри Стерлинг (Henry Sterling), женатый на дочери «шотландского джентльмена» Манипени [25, л. 20—20 об.]. Под «штап-лекарем и пинкал-смыщем или х...вым кузнецом Иваном Гудсоном» подразумевается хирург Джон Гудзон (John Goodson) [25, л. 20 об.]; «надзиратель рыбных промыслов и маляр Косой Велес» — это художник Кристофер Уэллс (Christopher Wells) [25, л. 20]; «ранжер и ягармейстер и сокольник Бенсъямин Гочкин» — коммерсант Бенджамин Ходжкин (Benjamin Hodgkin) [25, л. 20]. Возможно, под «мадам Мичел», «питательницей» братства, имеется в виду Мэри Митчелл (Mary Mitchel), супруга военного хирурга Уильяма [25, л. 27 об.]. Таким образом, на примере реконструкции состава «Бенго-коллегии» видно, что база данных петербургских англикан может быть полезной для проведения самых разных прикладных исследований.

Британская колония в Санкт-Петербурге первой половины XVIII столетия была небольшим, но заметным социальным образованием, привнесшим в город на Неве особый дух деловитости и эмпиризма. Метрические журналы англиканской церкви позволяют не только реконструировать колонию, но и оценить успехи социальной адаптации ее членов, а также состояние культурного обмена между британцами и другими жителями столицы. В целом, социальная адаптация выходцев из Великобритании при Петре I и его ближайших преемниках должна быть признана успешной — англичане и шотландцы заняли свою нишу в экономической и духовной жизни России. Они имели разнообразные связи (в том числе и конфессиональные) с немцами, французами и голландцами реформатского вероисповедания. Культурный же диалог с русским населением в первой половине века оказался затрудненным в силу обособленного характера англиканской общины и отсутствия широких социальных и конфессиональных связей с православным окружением.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00030 «Иностранцы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII столетия по метрическим книгам инославных приходов».

Литература и источники

1. Алакишин, А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке / А. Э. Алакишин. — Челябинск: ЧелГУ, 2006. — 415 с.

2. Андреев, А. Н. База данных «Иностранцы Санкт-Петербурга первой половины XVIII века по метрическим записям англиканского прихода» [Электронный ресурс] / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. — URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Database%20of%20Petersburg%20Anglicans%20community%20in%20the%20first%20half%20of%2018%20century.%20Project%20RFBR%2019-09-00030%20by%20A.N.%20Andreev.pdf> (дата обращения: 27.06.2019).
3. Андреев, А. Н. Католический социум Санкт-Петербурга по метрическим записям прихода Греческой слободы (1710—1740 гг.): опыт составления и изучения базы данных / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19. — № 3. — С. 6—15.
4. Берхгольц, Ф.-В. Дневник камер-юнкера / Фридрих-Вильгельм Берхгольц // Юность державы. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 9—324.
5. Беспярых, Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях / Ю. Н. Беспярых. — Л.: Наука, 1991. — 280 с.
6. Брюс, П. Г. Из «мемуаров...» / Питер Генри Брюс // Ю. Н. Беспярых. Петербург Петра I в иностранных описаниях. — Л.: Наука, 1991. — С. 162—191.
7. Власов, С. В. Особенности начального обучения французскому языку по французским букварям, изданным в России во второй половине XVIII века / С. В. Власов // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2015. — № 1 (22). — С. 18—29.
8. Демкин, А. В. Британское купечество в России XVIII века / А. В. Демкин. — М.: Институт российской истории РАН, 1998. — 249 с.
9. Захаров, В. Н. Западноевропейские купцы в России в конце XVII — первой четверти XVIII вв. (Приложение I) // В. Н. Захаров. Западные европейские купцы в России. Эпоха Петра I. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 311—321.
10. Захаров, В. Н. Западные европейские купцы в России. Эпоха Петра I / В. Н. Захаров. — М.: РОССПЭН, 1996. — 346 с.: ил.
11. Захаров, В. Н. Западные европейские купцы в российской торговле XVIII века / В. Н. Захаров. — М.: Наука, 2005. — 717 с.
12. Захаров, В. Н. Общины иностранных купцов в России в XVIII в. / В. Н. Захаров // Экономическая история: ежегодник. — 2010. — Т. 2010. — С. 13—29.
13. Кривоногова, С. А. Англикане в дореволюционной России: динамика численности и место в российской экономике / С. А. Кривоногова // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й науч. конф. Секция социально-гуманитарных наук. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. — С. 694—699.
14. Кросс, Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / Энтони Кросс; пер. с англ. Н. Г. и Ю. Н. Беспярых. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 528 с.
15. Кук, Дж. Путешествия и странствия по Российской империи / Джон Кук // Ю. Н. Беспярых. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. — СПб.: БЛИЦ, 1997. — С. 385—454.
16. Лабутина, Т. Л. Британцы в России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина. — СПб.: Алетейя, 2013. — 352 с.
17. Маништейн, Х.-Г. Записки о России / Христофор-Герман Маништейн // Перевороты и войны. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 9—272.
18. Материалы для истории русского флота. — Ч. IX. — СПб.: Тип. Военного министерства, 1882. — 696 с.
19. Немцы России: энциклопедия / под ред. В. Карева. — М.: Общественная Академия наук российских немцев, 2004. — Т. 2: К—О. — 747 с.
20. Платонов, С. Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом / С. Ф. Платонов // Известия Академии наук СССР. VI серия. — 1926. — Т. XX. — № 7—8. — С. 527—546.
21. Поленов, Д. В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) / Д. В. Поленов // Русский архив. — 1869. — № 11. — Стб. 1729—1766.
22. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 5. — 780 с.
23. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1716 г.). Д. 1.
24. РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 111.
25. РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1.
26. Репин, Н. Н. Британские коммерсанты в России петровского времени: деятельность компании «Ральф Робинсон — Самуил Гартсайд» / Н. Н. Репин // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2009. — № 3 (24). — С. 133—141.
27. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. докум. / сост. А. В. Демкин; под ред. А. А. Преображенского. — М.: Институт российской истории РАН, 1994. — 74 с.
28. Санкт-Петербургские ведомости. — 1766. — 10 окт.
29. Собрание Писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. — СПб.: В Морской типографии, 1829. — Ч. 1. — [IV], V, 343 с.
30. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. — СПб.: В Морской типографии, 1830. — Ч. 3. — 378 с.
31. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31.
32. Jungblut, Th. Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Rußland nebst einer Geschichte der Kirchen dieser Confessionen in St. Petersburg / Th. Jungblut. — SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855. — II, 218 s.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Теология, культура и искусство», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация).
E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

ANGLICANS AND FOREIGNERS OF OTHER FAITHS IN SAINT PETERSBURG IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY ACCORDING TO THE ANGLICAN PARISH REGISTER

A.N. Andreev, *alxand@yandex.ru*,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents the results of a study of the St. Petersburg foreigners' database compiled on the basis of register of Petersburg Anglicans parish for the years 1723—1750. The data on Anglicans were studied by methods of descriptive statistics for the St. Petersburg British colony's reconstruction. Author identifies the national and social structure of Petersburg British colony and determines some demographic indicators (such as child mortality, national and religious parameters of kinship, the percentage of illegitimate children). The article concretizes our ideas about the social and professional composition of the St. Petersburg British, creates their collective portrait and introduces new names of British merchants and employees. The author concludes that in the first half of the 18th century the St. Petersburg British, as a rule, were represented by business people who worked with capital and using special knowledge. Professional activities of the British demonstrated the achievements of their homeland in various spheres, namely in the economy, technologies, shipbuilding and naval.

Keywords: population databases, historical demography, foreigners of Saint-Petersburg, Church registers, Anglicans, Englishmen, the British, personal composition of non-Orthodox parishes, national structure, socio-professional composition of the population, 18th century.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00030.

References

1. Alakshin A.E. *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke* [Protestant communities in Petersburg in the 18th century]. Chelyabinsk, 2006, 415 p.
2. Andreev A.N., Andreeva Yu.S. Baza dannykh "Inostrantsy Peterburga pervoy poloviny XVIII veka po metriceskim zapisyam anglikanskogo prikhoda" [Database "Foreigners of Saint Petersburg in the first half of the 18-th century by register of the Anglican parish"]. URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Databaze%20of%20Petersburg%20Anglicans%20community%20in%20the%20first%20half%20of%2018%20century.%20Project%20RFBR%2019-09-00030%20by%20A.N.%20Andreev.pdf> (mode of access: 27.06.2019).
3. Andreev A.N. *Katolicheskiy sotsium Sankt-Peterburga po metriceskim zapisyam prikhoda Grecheskoy slobody (1710—1740 gg.): opyt sostavleniya i izucheniya bazy dannykh* [Catholic society of Saint Petersburg according to the metric records of the Greek township's parish (1710—1740): an attempt to compile and study the database]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"], 2019, vol. 19, № 3, pp. 6—15.
4. Bergholz F.W. *Dnevnik kamer-junkera* [Diary of Kammer-Junker]. *Junost' derzhavy* [Youth of Empire]. Moscow, 2000, pp. 9—324.
5. Bespyatykh Yu.N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [Petersburg of Peter I in the foreigners' descriptions]. Leningrad, 1991, 280 p.
6. Bruce P.H. *Iz "memuarov..."* [From memoirs]. *Bespyatykh Yu.N. Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [Bespyatykh Yu.N. Petersburg of Peter I in the foreigners' descriptions]. Leningrad, 1991, pp. 162—191.
7. Vlasov S.V. *Osobennosti nachal'nogo obucheniya frantsuzskomu yazyku po frantsuzskim bukvariyam, izdannym v Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka* [Features of initial training of the French language in French ABC books published in Russia in the second half of the 18-th century]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [National and foreign pedagogy], 2015, № 1 (22), pp. 18—29.
8. Demkin A.V. *Britanskoe kupechestvo v Rossii XVIII veka* [British merchants in Russia of the 18-th century]. Moscow, 1998, 249 p.
9. *Zapadnoevropejskie kuptsy v Rossii v kontse XVII — pervoj chetverti XVIII vv. (Prilozhenie 1)* [Western European merchants in Russia at the end of 17-th and in the first quarter of the 18-th centuries (Addendum 1)]. *Zakharov V.N. Zapadnoevropejskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [Western European merchants in Russia. The age of Peter the First]. Moscow, 1996, pp. 311—321.
10. *Zakharov V.N. Zapadnoevropejskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [Western European merchants in Russia. The age of Peter the First]. Moscow, 1996, 346 p.
11. *Zakharov V.N. Zapadnoevropejskie kuptsy v rossijskoj trgovle XVIII veka* [Western European merchants in the Russian trade in the 18-th century]. Moscow, 2005, 717 p.
12. *Zakharov V.N. Obshchiny inostrannykh kuptsov v Rossii v XVIII v.* [Communities of foreigner merchants in Russia in the 18-th century]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik* [Economic history: Almanac]. 2010, vol. 2010, pp. 13—29.
13. *Krivosogova S.A. Anglichane v dorevoljutsionnoj Rossii: dinamika chislennosti i mesto v rossijskoj ekonomike* [Englishmen in pre-revolutionary Russia: population dynamics and place in the Russian economy]. *Nauka JuUrGU: materialy 67-j nauchnoj konf. [SUSU Science: proceedings of the 67-th scientific conference]*. Chelyabinsk, 2015, pp. 694—699.
14. *Cross A. Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The British in Petersburg. 18-th century]. St. Petersburg, 2005, 528 p.

15. Cook J. Puteshestvija i stranstvija po Rossijskoj imperii [Voyages and Travels through the Russian Empire]. *Bespyatykh Ju.N. Peterburg Anny Ioannovny v inostrannykh opisaniyakh [Petersburg of Anna Ioannovna in foreign descriptions]*. St. Petersburg, 1997, pp. 385—454.
16. Labutina T.L. Britantsy v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the 18-th century]. St. Petersburg, 2013, 352 p.
17. Manstein Ch.-G. Zapiski o Rossii [Memorials about Russia]. *Perevoroty i vojny [Revolutions and wars]*. Moscow, 1997, pp. 9—272.
18. Materialy dlya istorii russkogo flota [Materials for the history of Russian fleet]. Part 9. St. Petersburg, 1882, 696 p.
19. Nemtsy Rossii: Entsiklopediya [The Germans of Russia: Encyclopedia]. Moscow, 2004, vol. 2, 747 p.
20. Platonov S.F. Iz bytovoj istorii Petrovskoj epokhi. Bengo-Kollegija, ili Velikobritanskij monastyr' v S.-Peterburge pri Petre Velikom [From the routine history of Petrine era. The Bung College or British monastery in Saint Petersburg under Peter the Great]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. VI seriya [Proceedings of the USSR Academy of sciences. 6-th series]*. Moscow, 1926, vol. 20, № 7—8, pp. 527—546.
21. Polenov D.V. O prisjage inozemcev, prinjatykh v russkuju sluzhbu pri Petre Velikom (Sostavleno po podlinnym dokumentam, khranjashimsja v Arkhive ministerstva justicii) [About the oath of the foreigners accepted in Russian service under Peter the Great (On the basis of original documents from Archive of the Ministry of Justice)]. *Russkij arkhiv [Russian archive]*, 1869, № 11, pp. 1729—1766.
22. Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj imperii [The full corpus of laws of Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. 5, 780 p.
23. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (further — RSAAA)]. F. 150. Op. 1 (1716 year). File 1.
24. RSAAA. F. 364. Op. 1. F. 111.
25. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1689. Op. 1. File 1.
26. Repin N.N. Britanskije kommersanty v Rossii petrovskogo vremeni: dejatel'nost' kompanii "Ralf Robinson — Samuil Gartsaid" [British merchants in Russia of Petrine era: activities of company "Ralph Robinson — Samuel Gartside"]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Ryazan State University]*, 2009, № 3 (24), pp. 133—141.
27. Russko-britanskije trgovye otnoshenija v XVIII veke: sbornik dokumentov [Russian-British trade relations in the 18th century: a collection of documents]. Moscow, 1994, 74 p.
28. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg announcement]. 10 October 1766.
29. Sobranie pisem imperatora Petra I k raznym litsam s otvetami na onye [Collection of Emperor Peter the First's letters to different persons with answers to these]. St.-Petersburg, 1830, part 1, [IV], V, 343 p.
30. Sobranie pisem imperatora Petra I k raznym litsam s otvetami na onye [Collection of Emperor Peter the First's letters to different persons with answers to these]. St.-Petersburg, 1830, part 3, 378 p.
31. Central'nyi gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St.-Petersburg]. F. 347. Op. 1. File 31.
32. Jungblut Th. Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Rußland nebst einer Geschichte der Kirchen dieser Confessionen in St. Petersburg [Founding of the Evangelic-Luther churches in Russia with other faiths history in St.-Petersburg]. St.-Petersburg, 1855, II, 218 p.

Received September 5, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Англикане и иноземцы других конфессий в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века по метрикам англиканского прихода / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 6—15. DOI: 10.14529/ssh190401

FOR CITATION

Andreev A. N. Anglicans and foreigners of other faiths in Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the Anglican parish register. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 4, pp. 6—15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190401